

Два спектакля театра имени А. С. Пушкина

1. Возвращение Марта Туйска

Небритый, оборванный человек медленно открывает дверь и устало останавливается на пороге. Двенадцать лет он не был на родине, и вот теперь, подобно блудному сыну из евангельской притчи, снова вернулся в семью.

Тревожной, настороженной тишиной встречает Марта Туйска родной дом. Пожалуй, больше горечи, чем радости, выражает лицо старой Лэзны Туйск — матери Марта. Испуг и волнение в глазах Анники — его бывшей жены. Вернулся человек, отбывавший наказание за бандитизм, опозоривший имя честной рабочей семьи. Так думают домашние Марта, так думают в шахтерском поселке все, кто его знает...

Однако, для нас, зрителей, вскоре становится понятным и смысл странных недомолвок Марта, и нервозность, какую вызывают в нем случайный шум за окном, бой часов, ненавороком стукнувшая дверь. Нет, не в бандитизме и грабежах повинен Март Туйск, а в преступлении неизмеримо более тяжком. Это — шпион, пробравшийся в советскую Эстонию по заданию иностранной разведки.

По мере того, как усиливается накал событий в маленьком домике Туйсков, все очевиднее для нас делается и другое. Выученик школы диверсантов, явившийся на родину, чтобы убивать и разрушать, в изум-

лении останавливается перед правдой новой жизни. И в мучительной борьбе с самим собой сын шахтера Март Туйск осознает, как велико его преступление перед народом.

В этом смысле пьесы эстонского драматурга Э. Раннета «Блудный сын».. Литературные достоинства ее весьма скромны. Но пьеса содержит благодарный материал для создания глубокого психологического спектакля. Именно так понял и прочитал драму Раннета магнитогорский театр имени А. С. Пушкина.

Работая над этой остро сюжетной пьесой, режиссер А. М. Привалов сосредоточил внимание на подробной разработке внутреннего мира героев, справедливо полагая, что сюжет целиком зависит от раскрытия характеров. Режиссерский замысел нашел успешное воплощение, прежде всего, в исполнении роли Марта артистом Л. Г. Самаржиным. Искрение, с глубоким драматизмом показывает артист духовное прозрение своего героя. Его Март не только человек горячий, нестерпящий чувств, бурных порывов — он умеет глубоко мыслить. Мы все время ощущаем происходящую в нем сложную внутреннюю работу, видим его глаза, — пытливые, вопрошающие.

Горячие симпатии зрителей вызывает и образ матери — Лэзны Туйск, со строгой сдержанностью и простотой сыгранный арт. Ф. Н. Фомиче-

вой. Через эту простоту исполнительница находит путь к высокой героине, щедро раскрывая в финальной сцене 2 акта — лучшей сцене в спектакле — внутреннее богатство Лэзны, высокий строй ее души.

В упрощенном решении роли Райсммика, на наш взгляд, причина того, что тема столкновения двух миров не прозвучала в спектакле с достаточной остротой и силой. Враг, убежденный и непримиримый, фанатик идеи «независимой» Эстонии — Райсммик — фигура, безусловно, более крупная и значительная, чем мы видим это у артиста И. Е. Данилина.

Не отвечает, как нам кажется, замыслу драматурга и образ, созданный Ф. А. Мироновой. В холодна-

той красивой женщине, которая появляется перед нами на сцене, как-то трудно узнать черты Анники с ее «беспокойной, горячей кровью», активным, требовательным отношением к жизни.

В трудном положении оказался артист Н. А. Сорокин, получивший в пьесе поистине «неблагодарную» роль Педаеяса. Думается, что театр не по-хозяйски относится к своим творческим кадрам, вторично занимая хорошего актера в серой роли.

И все же спектакль «Блудный сын» заслуживает высокой оценки. Это — актив театра, свидетельство его незаурядных творческих возможностей и высокой работоспособности.

2. Цветы и пустоцветы

На сцену театра пришла весна... Да, именно о весне, о чудесной поро расцвета, о майских задумчивых вечерах напоминают розоватые легкие лепестки, стройные очертания яблоневых деревцов, что написаны на игровом занавесе рукой художника П. П. Томилиевского.

Это буйное цветение весны, как хорошая музыка, настраивает на веселый лад тех, кто выполняет зрительный зал. Это как бы заявка театра на спектакль легкий, праздничный, остроумный.

Но вот начинается раскручиваться пружина комедийной интриги, идут

сцена за сценой и очень скоро мы приходим к выводу: нет, праздника не будет. Потому что ни мастерство артистов, ни талант художника, ни выдумка и темперамент режиссера не переубедят нас в том, что в поставленной театром комедии В. Масла и Н. Кудиченко «Сады цветут» ситуации надуманы и неправдоподобны, язык беден, а образы написаны по всем правилам устоявшихся драматургических штампов.

Зачем понадобилось театру такое слабое, ремесленническое произведение? Думается, что это проявление все той же небрежаемости и

выбору пьес, которая ранее позволила театру включить в репертуар и забытую мелодраму «Сестры Жерар», и легковесный водевиль «Сплошные неприятности», и малохудожественную пьесу-однодневку «О личном».

Нужно ли удивляться, что спектакль «Сады цветут» погоды в жизни театра отнюдь не сделал, хотя актеры играют, что называется, добросовестно, в полную меру своих сил и способностей, хотя достаточно продуман спектакль и со стороны его режиссерского разрешения (режиссер Д. О. Козловский). Пьеса-пустышка оказалась бессильной пацелить работников сцены на интересные творческие поиски. Ну, могли, например, вдохновить В. Г. Панаева кочующий из пьесы в пьесу образ чудаковатого ученого-садовода? Или А. Н. Шпунунову стандартная роль ворчуньи-стрелочницы? И разве не обидно за Э. И. Розанову, артистку с большим опытом и сценическим обаянием, которой так и не удалось «оживить» образ Веры, потому что он «придуман» драматургами, лишен жизненной основы?

Зрители ждут от театра интересных комедийных спектаклей, остроумных, веселых, праздничных, но не следует для этого обращаться к драматическим артистам, к пьесе-пустоцвету, отзывавшейся уже лет пятнадцать назад. Жить в искусстве нужно по большому счету.

О. КАРПОВА.

25 APR 1959

Магнитогорский Рабочий
г. Магнитогорск